Вейдер равномерно прошел через Дворец к Залам Совета, вызванный туда своим Учителем. Здесь, во Дворце, чувство предзнаменования в Силе было более определенным; более мощный. Он почувствовал это сразу по прибытии, поэтому не был удивлен вызовом, зная, что Палпатин захочет обсудить беспорядок. Знал ли он, что его местонахождение здесь, во дворце? Несомненно. Возможно, он лучше понимал его причину, поскольку Вейдер не видел ничего, кроме смутного ощущения стыка - конвергенции… решающего момента. Теперь он знал, почему Люк уговаривал его держаться подальше … мог ощутить силу, которая с треском обрушилась на темные залы, как заряд в воздухе, как тяжелая статическая тишина перед бурей. Тем не менее, он все равно вернулся, в тот момент, когда его вызвал его Учитель - не сделал попытки обойти команду, несмотря на предупреждение Люка.

Он слишком мало доверял своему сыну, даже когда знал правду. Мальчик хорошо скрывал это, особенно в присутствии их Учителя, но у Вейдера была более тесная связь, чем Палпатин мог когда-либо достичь. Он знал правду, степень власти своего сына - даже если он не понимал, почему мальчик сдерживал ее - что сдерживало его руку перед явными манипуляциями Императора. антагонизм, когда настроение захватило его. Потому что что-то сдерживало его. Если бы власть принадлежала Вейдеру, он бы давнымдавно направил ее на Палпатина, независимо от предполагаемого побочного ущерба.

Без колебаний, без сомнений. Но тогда власть была его… когда-то. Несмотря на все хорошее, что это принесло ему - или Падме. Он искал знания, чтобы спасти ее, отдал все ради возможности получить их ... Нет; каким-то образом быть здесь, сегодня, посреди этой могущественной силы… это был момент для абсолютной истины, даже для самого себя. Он слишком долго прятался за легкими оправданиями. Потому что даже это на самом базовом уровне было ложью. Он усвоил самый суровый урок из всех - и усвоил его ценой Падме.

В конце концов, она поплатилась за его амбиции и нетерпение. Он хотел силы - да, чтобы спасти Падме, но тоже ради нее самой. Возможность подняться над своими сверстниками; легкая, быстрая сила, потому что он думал, что заслужил это. Так что он принял то, что предложил Палпатин, прекрасно зная, что делает. Тот роковой момент на Корусанте - поспешное решение спасти Палпатина ценой жизни мастера Винду - да, это было в самый разгар момента, когда в игре было столько сил ... но он мог так много раз отступить в последующие дни. Мог бы признать правду, помогая своим товарищам-джедаям; признал свое мгновенное падение и столкнулся с последствиями. В конце концов, это не он убил мастера Винду.

Или он мог бы признаться Падме - мог бы отказаться от Ордена джедаев и спрятаться среди безымянных масс на какой-нибудь безымянной планете Рим. Тихая, скромная жизнь с женой и сыном. Он мог отказаться вести клонов в Храм джедаев ... мог бы предупредить тех, кого тренировал рядом, и сражаться рядом, как бы скрытно ни было. Мог бы послушать Оби-Вана на Мустафаре. Но он хотел силы… и получил ее; невероятная, расслабляющая, безмерная сила. И по глупости он думал, что сила реальна, что она даст ему силу, которую он так жаждал, связь и способность, необходимые для того, чтобы опустить судьбу под свои пятки - Падме и его собственную.

Но каждый прирост, который он давал в те мрачные дни, давал что-то взамен И он был слишком занят, чтобы это увидеть; чтобы понять правду об этой пустой власти. Как оно скручивало и испортило все, чего касалось. Если бы у него была сила - честность - смотреть за пределы очевидного, возможно, она все равно ... Потому что он не понимал… не понимал, что сила и сила - две очень разные вещи. Истинная сила - истинная сила - была бы силой отступить. И в тот момент это подвело его… он подвел себя.

Ни Оби-Ван, ни Падме, ни Совет джедаев. Он потерпел неудачу. Проклял себя собственными действиями. Виной всему была его… И теперь - теперь его сын дал ему шанс на искупление, хотя бы в небольшой части, за все, что он сделал… Вейдер нахмурился под маской; но выбросил ли он и это, как и Падме? Он не был слеп к тому факту, что использовал своего собственного сына - используя Люка для достижения того, чего он не мог; депонирование Палпатина. Если бы он ничему не научился… был ли он снова готов обменять все на возможность преуспеть.

Разве он все еще не был готов заплатить любую цену, чтобы получить власть? Но власть больше не была для него самого, так что, конечно, все было по-другому ... Или вообще было? Мальчик этого не хотел; он сделал это предельно ясно. И все же Вейдер продолжал двигаться вперед, выполняя свои собственные желания и амбиции за счет тех, кого он ценил больше всего. И каждый раз, когда ему давали отпор или отказ, он по-прежнему позволял себе проявлять взрывной, неконтролируемый характер - тот же характер, который заставил его так давно напасть на тускенов; та же слепая ярость, которая заставила его повернуться к Падме.

Тот же характер, который теперь заставлял его нападать на сына при малейшей провокации, аргумент за аргументом, неспособный отступить, несмотря на все, что он утверждал, что понимал. И теперь он увидел это у Луки; когда он стойко держался перед этими вспышками, неустрашимый. Когда он стойко сопротивлялся Палпатину, как и своему отцу… Однако сдержанный; сдерживать и направлять так, как Энакин никогда не мог. Как Вейдер однажды сказал своему сыну, Люк был в равной степени Энакином Скайуокером и Падме Наберри. Что бы сказала Падме, будь она здесь сейчас; видела, что происходило с ее сыном.

То, что Вейдер допустил ... то, что он спровоцировал . Волна вины захлестнула его - за то, что он делал со своим сыном ... за то, что он заставлял его стать - путь, на котором он сознательно запирал мальчика. И все же… судьба его сына не должна быть его собственным мрачным существованием; мальчик все еще олицетворял силу, которую Вейдер давно потерял. У него был шанс превзойти судьбу своего отца ... если бы он только протянул руку и воспользовался им. Если бы только он бросил вызов Палпатину. Как он мог не хотеть такой власти - полного владычества; над Силой, Империей ... всем. Галактика поворачивается по его указу. Вейдер подошел так близко ... так близко к этой силе - но Судьба украла ее и вывернула нож, оставив его в живых, чтобы он служил тому, кто его получил.

Но его сын ... его сын мог взять эту власть и сделать ее своей. Если бы только он бросил вызов Палпатину. Тем не менее, он оставался в тени Императора, такой же недовольный, разочарованный и обиженный, как Вейдер, отравленный манипуляциями Палпатина, когда он мог так легко выйти за их пределы. Если бы Вейдер знал причину, по которой он сдерживался… что бы это ни было, он исправил бы это. Дайте Луке возможность владычества, которой у него никогда не было; господство. Он был в долгу перед мальчиком. Он поставил его на этот путь, заключил в эту судьбу. Если бы он только мог обнаружить, что его сдерживает, он искоренил бы это. Как бы то ни было, он его уберет.

Он был должен мальчику… за себя и за Падме. . . . Палпатин стоял в дальнем конце длинного пустого Зала приемов в своих залах Совета, ожидая… размышляя; Был ли это правильный путь? Он снова вспомнил видение - он видел его так много раз, что оно запечатлелось в его голове. Два десятилетия он видел волка в темноте; мимолетные проблески, скрытые в тени; бледные, дикие глаза в холодном лунном свете ... Затем восемь лет назад видение изменилось; Звезда Смерти была уничтожена, и впервые тень в темноте приближалась ... ближе с каждым годом, поскольку факты, объясняющие почему, так идеально падали к его ногам, пока, когда он не повернулся, она была рядом с ним, стоя на коленях, молча и неподвижно . только это был уже не волк; это был мальчик, о самом существовании которого он не подозревал; Ходящий по

небу. Волк Палпатина.

А потом видение изменилось; каждый раз тонко, мельчайшие детали, мельчайшие приращения, одни точки плавные, другие фиксированные. Всегда его волк стоял и протягивал руку - и всегда в ней было одно и то же; световой меч. Световой меч Вейдера. И тут шептались тонкие вариации - за много лет мальчик сказал своему Учителю всего два слова; "Возьми это." Но со временем он сказал больше… «Возьми - или это убьет тебя». Несомненно, видение изменилось, как и события. Открытие Мары о том, что Вейдер контактировал со Скайуокером, было неожиданным… и нежелательным. Вейдер всегда стремился к власти, Палпатин знал это. Но его дуэль с Кеноби на Мустафаре гарантировала, что у него никогда не будет силы поддержать свое желание, а полный контроль Палпатина, заложенный в детстве, гарантировал, что у него никогда не будет решимости. В отличие от своего сына.

У Скайуокера были способности и смелость бросить вызов Палпатину, но не желание. Парень презирал Империю и все, что она олицетворяла, Палпатин знал это. Он остался только потому, что Император удостоверился, что он ненавидит Восстание с равным рвением, и потому что Палпатин потратил много времени и усилий на укрощение своего волка, внушив ему знание, что уход вызовет гнев его Учителя на всех вокруг него ... убедившись, что его волку просто некуда было идти. Но объедините этих двух духов, один с желанием, но не способностью, а другой со способностью, но не желанием ... и вместе они могут составить реальную угрозу ...

А это было недопустимо. Он просто не мог позволить себе больше удерживать их обоих - особенно с учетом растущей силы мальчика. Конечно, Палпатин знал, что его работа со Скайуокером еще не закончена, хотя он уже посвятил долгие годы созданию своего идеального защитника ситхов - как он делал с отцом мальчика, пока Кеноби не отнял у него своего нового ученика. Или, скорее, ученика, которого Палпатин ожидал … ограничив контакт Энакина с Силой. Странно, что Палпатин не знал, что, когда он вливал эти годы осторожных манипуляций в Анакина, не предсказал Кеноби. Но тогда способность человека читать будущее часто была омрачена присутствием даже одного джедая; они по самой своей природе были посредниками в изменениях ... и иногда Сила текла к своим собственным целям ...

Тем не менее, в конечном итоге это было к лучшему, хотя Палпатин не поверил бы этому в то время - так что, возможно, потеря Энакина действительно была вызвана Силой. Потому что у Палпатина все еще была его Империя - и теперь у него был сын Анакина, который был всем, чем Анакин был бы, и даже больше, потому что контролировать его было труднее; довести до пят. И в этом заключалась привлекательность. Признавая вместе с Энакином, что эта линия заслуживает более взвешенного и менее поспешного инициирования, Палпатин использовал все, что было доступно, чтобы осуществить свои планы.

В его ситхском альтер-эго Дарта Сидиуса действия Палпатина были тщательно продуманы, чтобы манипулировать Энакином в течение длительного периода времени. Теперь это был Вейдер, чьи действия - само его присутствие - всегда было так легко использовать при формировании Скайуокера. И, конечно, терпение. Как и в случае с произведением искусства, радость заключалась в равных частях творчества, признательности и владения. А между тем Скайуокер стал достаточно стабильным, чтобы занять свое законное место. Теперь он знал мальчика; был уверен, что сможет точно предсказать свою реакцию, которая будет экстремальной, но управляемой. Как и в случае со всеми его учениками, искусство было частью знания, когда делать решающие шаги, и частью понимания, какими должны быть эти движения. « Возьми это» , - снова и снова говорил Его Волк о сабле Вейдера; «Возьми это, или это убьет тебя». .

Когда Амедда открыл высокие двери в дальнем конце просторной комнаты, чтобы объявить о

прибытии лорда Вейдера, Палпатин искал в своей душе хоть какой-то след сожаления, но не нашел. Он также не испытывал никакого волнения от информации о предстоящей дуэли; даже без удовлетворения от того, что я могу так решительно выступить против того, кто его предал ... Вместо этого он обнаружил, что весь свой разум занят нетерпеливым ожиданием манипуляций, необходимых для сдерживания его нового ситха по его возвращении ... . .

Вейдер уверенно шагнул вперед, когда за ним закрылась тяжелая дверь, Император ждал его в дальнем конце мрачного зала, спиной к комнате, не поворачиваясь, чтобы признать своего послушника, когда Вейдер спустился в низкий поклон. Решительно отложив в сторону все личные мысли и чувства, чтобы сосредоточить свое внимание на нынешней ситуации, Вейдер на долгие секунды остановился на согнутом колене ... И почувствовал что-то в этот момент - шорох, который пронзил его чувства в заряженной атмосфере; что-то тревожное в тишине Императора. "Вы говорили со своим сыном сегодня?" - рассеянно спросил Палпатин, не отворачиваясь от высоких тонких окон. Вейдер слегка нахмурился, реакция была скрыта маской, за которой он так долго прятался. Это был странный вопрос ... по многим причинам. Палпатин никогда не называл Люка сыном Вейдера - не в лицо.

И он никогда не спрашивал об этом прямо раньше ... и зачем вообще спрашивать, если он верил, что знает каждое движение Вейдера? «Нет хозяина». - просто сказал Вейдер, вставая при этом. Строго говоря, это было правдой. Император только кивнул, все еще стоя спиной к Вейдеру: «Его... трудно читать. Предсказывать. Контролировать». Вейдер оставался неподвижным, не зная, чего от него хочет его Мастер. Император медленно повернулся, засунув руки в объемные рукава своего платья: «Но я думаю, что это отчасти моя ошибка. Видите ли, его нельзя слишком сильно контролировать; слишком туго натяните поводок, и он начнет сопротивляться. Конечно, некоторые вещи можно узнать только задним числом, но теперь я верю ...

Я считаю, что для того, чтобы контролировать его, нужно вместо этого контролировать его окружение, его связи. Моя ошибка заключалась в том, что я не понял этого раньше - но зная это сейчас, я исправлю это ». Вейдер был неподвижен, тревожная волна угрозы, которая обвилась вокруг него, теперь дрожала по его спине, напрягая мышцы. В неподвижном воздухе повисла выжидательная тишина, когда Император остановился, его бледные, охристые глаза потеряли взгляд. «Ты помнишь Пророчество, друг мой - Сын Солнц?»

Палпатин склонил голову набок в размышлении: «Пророчества и видения - такие неопределенные вещи; у них так много интерпретаций». Наконец он повернулся к Вейдеру, его желтые глаза горели: «Ты чувствуешь, что уравновесил Силу? Ты определенно сравнял счет; создал симметрию - оглядываясь назад, только четверо из нас остались на долгое время: два джедая и два сита...» «Сила была в равновесии - этого не было уже много десятилетий». - сказал Вейдер нейтрально, неуверенный в маршруте своего Учителя. «Да...» Палпатин улыбнулся интерпретации Вейдера; он всегда был таким буквальным, никогда не выходил за рамки очевидного. «Но я всегда верил, что Пророчество было чем-то большим - оно сохранялось так долго; конечно, это не могло быть так просто».

Палпатин остановился, прикрыв глаза из-под тяжелого обезображенного лба, и подумал: « Это тени, края которых определяют свет, на грани рассвета и Тьмы ». Он процитировал пророчество: «Свет и тьма... одно не может существовать без другого. Свет самим своим существованием создает тени, и именно тьма определяет существование света. И все же мы разделяем их так полностью... считаем их несовместимыми. ... Непримиримые. Возможно, они были... " Осознание того, что предлагал Палпатин, пришло к Вейдеру в порыве осознания - Люка, сколько всего осталось тщательно скрытым.

О его туманном, неопределенном ощущении в Силе - того момента, когда он был давным-давно в Медикентре, когда его сын, мучимый болью и ужасно раненный, бездумно потянулся к Силе для исцеления - и достиг этого. Но Тьма не зажила. Тьма не могла исцелить. Он вспомнил, как почувствовал этот мимолетный проблеск под щитами мальчика, это особое мышление; готовность слиться без потери себя, сдаться без подчинения Силе.

Тьма никогда не сдавалась… так что мальчик коснулся не того, чего он коснулся, но… он снова вспомнил этот моментальный контакт, пытаясь классифицировать его, поскольку он ускользнул, рассеялся и затянулся. Это был не Свет и не Тьма - это были… и то, и другое, не поддающееся классификации. Палпатин всегда говорил Вейдеру, что он был создан Силой, вызванной ею ... силой и волей Тьмы, утверждал его Мастер ... так как же связь Вейдера могла быть чем-то большим? Как бы интенсивно это ни было, разве может быть больше? Но разве Вейдер не сказал ... Он так часто говорил мальчику, но никогда не слушал своих собственных слов, что Люк был суммой его самого ... и Падме.

А Падме была не чем иным, как Лайт ... Может ли их сын содержать оба аспекта Силы? Возможно ли, чтобы одно существо удерживало двоих в равновесии? Если бы Вейдер создал то, что исполнило Пророчество - баланс Света и Тьмы ... Палпатин медленно отвернулся, чтобы снова взглянуть на мегаполис, его окутывала напряженная тишина, истинное намерение скрыто за тьмой и тенями. «Вы хорошо служили мне, лорд Вейдер…» - кивнул Палпатин, тонкие губы растянулись в пустой улыбке, - «Но я должен был признать, что ваша работа была сделана в тот день, когда ваш сын прибыл сюда.

Ваша польза подошла к концу. увидел ... понял, что баланс Света и Тьмы, который вы мне принесли, является исполнением Пророчества - высшей силой - потому что тот, кто контролирует его, действительно управляет всеми аспектами Силы ». Император кивнул, обращаясь как к самому себе, так и к своему послушнику, озвучивая вслух свои выводы, низким скрипучим и бесстрастным тоном: «Тот, кто контролирует мальчика, командует всем - элементарной силой во всех ее аспектах - и я никогда не смогу по-настоящему сделать это, пока вы жив. Он всегда будет смотреть на тебя, теперь я это вижу. И я исправлю это ".

Вейдер увидел блеск, малейшее отражение солнечного света на металле, когда Палпатин развел руки, и знал, что было в руке его Учителя. Но тогда, разве он не всегда знал, что до этого дойдет? Только не совсем так. Он всегда думал, что к этому моменту его приведет какая-то горькая, разъяренная ярость, какое-то бессмысленное безумие ярости и гнева. Только не эта… эта несравненная честь, эта высшая награда - неоспоримое доказательство того, что его сын смотрел на него, уважал его… ценил его.

Он сам, а не его способности; для мальчика это ничего не значило. И знать это, знать это абсолютно, слышать, как это говорит тот, кто никогда бы не дал такое признание легкомысленно, наконец даровал Вейдеру осознание того, что эта связь значила для него ... Не осознание того, кем был Люк; его сила или его потенциал, ни исполнение Пророчества, которое Вейдер тащил, как цепи, вокруг него всю свою жизнь… но осознание того, что его сын любит его - что эта связь была настолько глубокой, что ничто из того, что Палпатин когда-либо делал, не могло искоренить ее; ничего . Потому что это была часть Люка ... как часть Вейдера.

Знание… было подобно солнечному свету на голой коже, согревавшем его до глубины души. И он не чувствовал этого всю жизнь. И теперь, наконец, он знал, что сдерживало Люка… знал, почему мальчик никогда не сделает этот последний шаг. Его сын защищал не себя - это был Вейдер . Разве Люк не сказал так много, когда был ранен - в первый раз, когда он говорил со своим отцом об изгнании Палпатина - разве он не сказал даже тогда, что, если он придет к власти, это поставит его в прямое противоречие. с отцом. И его действия с Палпатином; всегда

колеблется между непростой капитуляцией и упорным неповиновением, независимо от последствий, всегда нестабильно, всегда непредсказуемо. Достаточно, чтобы Палпатин еще не рискнул убрать Вейдера. Знал ли он, понимал ли Император, насколько сильно он владел мальчиком в Вейдере? Потому что здесь - вот и был ответ. Ко всему.

Палпатин понятия не имел, насколько глубока связь между отцом и сыном - как он мог? Он знал только ложь и манипуляции; идея жертвоприношения была ему недоступна. Бескорыстие; сострадание. Несмотря на всю свою зависимость от бездушных технологий, чтобы сохранить ему жизнь, Вейдер почувствовал в тот момент, что внутри него было больше человечности, чем его Учитель мог когда-либо надеяться ощутить. Вот почему Палпатин никогда бы не понял ... Вейдер почувствовал укол вины за то, что принял это решение от своего сына; зная, что его действия сейчас вынудят Люка руку. Но пока он был жив, его сын всегда будет стараться защитить его; по собственному выбору Люка он никогда не придет к власти, пока Вейдер был жив.

«Любой ценой» , - напомнил Вейдер; любой ценой за освобождение рук сына ... это не были пустые слова. Это был его шанс на отсрочку; искупить собственное слепое честолюбие, которое привлекло его сына в центр внимания. Это был выбор Вейдера, чтобы направить его на этот путь ... или, возможно, это был выбор Оби-Вана, поскольку он наверняка знал, что если он обучит мальчика, то Люк сыграет важную роль в повороте Судьбы так или иначе. Нет, было бы так легко возложить вину на кого-то другого, как он это часто делал в прошлом. Нет. Он выбрал этот путь для себя, а затем для своего сына. И это остановится... сейчас. Под своей ненавистной маской, в тюрьме, которую сделал для него его Учитель, Вейдер улыбнулся - искренне улыбнулся - проверяя старые шрамы, которые удерживали его от этого долгие, сухие годы. Но сегодня не смогли сдержать, не смогли помешать. Сегодня они вообще были ничем. Сегодня он улыбнулся, зная, что Император не видит.

Он почувствовал мгновенную связь; столкновение с его повышенным сознанием - безмолвный вопрос сына, краткий поиск утешения, крайняя дистанция ... и в последний раз он обратился к сложной игре света и тьмы, которую воплощал его сын. Он послал эту уверенность, утешение, безмятежную безмятежность, что это было правильным поступком; извинение за то, что даже в этом он взял свободный выбор из рук своего сына ... затем он позволил мирному, сдержанному спокойствию вытеснить паническое осознание мальчика из его разума, отдалив его. Сейчас не время сожалеть; он покончил с ними.

Он дал им правление слишком долго, и он не даст им этого момента. Этот момент был моментом гордости; торжества, господства. Падме гордилась бы им ... Он посмотрел на своего Учителя, и слова прозвучали легко. Он не поймет, Вейдер знал, но это не имело значения; он знал, о чем говорил ... Потому что теперь, наконец, Вейдер понял, что Оби-Ван сказал ему так давно ... А теперь он предложил то же самое своему слепому агрессору - ни в защиту, ни в запугивание, но с таким же величавым и уверенным хладнокровием; то мирное спокойствие внутри Силы, которое даровало абсолютное знание того, чего могла достичь его жертва - «Если ты порежешь меня... ты сделаешь меня более могущественным, чем ты мог себе представить».

Световой меч, зажигающий Палпатина, повернулся к нему, его желтые глаза горели, шипя, как змей, которым он был ... . Вейдер был мертв. Палпатин был недоступен, а Двор уже отменен, Залы Совета над и под Тронным залом устрашающе пусты, когда Мара прибыла в Южную Башню, глубоко встревоженная, шагая по пустым залам в безмолвном страхе. Вейдер был мертв ... и Мара была неизбежно причастна к смерти отца Люка. Все выходило из-под контроля с ужасающей скоростью.

Она вернулась в свои апартаменты, не зная, что делать, когда пришла связь от Риса; что Люк

умчался и умчался, взял I-TIE, не отвечая на окрик, его курс прямо к Дворцу ... Мара отломила наконечник маленького стеклянного пузырька и загрузила разовую дозу в дротик, вкручивая дротик в ствол, не более чем газовую трубку с нарезкой. Когда она поставила предохранитель, ее рука дрожала. Она сунула компактный пистолет в задний карман, говоря себе, что делает это для Люка - что, если он вернется к Императору сейчас, обе стороны будут в ярости. Палпатин отомстил Люку, и Люк в ярости подстрекал его.

Ни один из них даже не будет пытаться сдерживать себя или сдерживать себя. Это могло закончиться только одним путем. А для чего? Вейдер был мертв - все, что сделал Люк, не изменило бы этого. Но она могла бы остановить его обострение - если бы остановила Люка до того, как он доберется до Императора. Она знала, что для этого ей придется вывести его из строя… и был только один надежный способ сделать это. Ее рука снова переместилась к заряженному дротику, и она высвободила его, навязчиво проверяя, заряжен ли наркотик; что дротик был в камере, что камера была заполнена газом, понимая, что в конечном итоге это оставит его жертвой ярости Императора за его участие в обмане ... но это лучше, чем тотальная конфронтация. Она сделала это для Люка ...

Она делала это для Люка. . . . I-TIE вошел горячим, хлопая вниз, как банши, поворачиваясь через посадочную платформу, в то время как передние двигатели боролись с антигравом, купол разлетелся, когда он резко остановился, Люк покачнулся. Мара двинулась вперед через посадочную платформу, положив руки перед собой ладонями вверх, надеясь успокоить его и вмешаться. Люк крикнул с десяти шагов, шагая вперед: «Где он ?!» Мара покачала головой, подходя к нему, не в силах ничего, кроме ответа, таким был тон его голоса: «Он в тронном зале. Но…» "Не Палпатин - мой отец. Где?" Она в отчаянии покачала головой: «Люк, послушай меня…» " ГДЕ !!" Мара снова покачала головой в немом призыве, потянувшись к нему, когда она приблизилась к нему, но он повернулся, не останавливаясь; даже не глядя, ярость катилась по нему, как шторм. Она протянула руку, схватила его за руку, когда он проходил, и он повернулся, выбив ее на свободу.

На секунду ей показалось, что он отвернется и продолжит идти; возможно, это было то, что он намеревался, но его ярость вырвалась наружу, и он протянул руку, схватив ее за горло, тащил ее и заставлял назад, пока она не ударилась о стену Башни достаточно сильно, чтобы увидеть звезды. Он все еще крепко прижимался к ее шее, наклоняясь к нему, его глаза были дикими, яростными и пустынными, сияющий ободок охры на краю ледниково-голубого цвета. Он надавил, глаза ожесточились, зрение Мары сузилось, пока она боролась с дыханием.

Одной рукой прижавшись к его горлу, Мара сунула свободную руку в задний карман, вытащила маленький дротик и прижала его к его шее, и на мгновение он застыл - затем его глаза замерзли, и он встряхнул его. голова дробно, злясь на нее за это и на себя за то, что позволил; за то, что забыла в последний раз, где лежала ее преданность. Мара втянула воздух вокруг его руки, все еще плотно прижатой к ее горлу, вспоминая, когда он заставил ее бластер дать осечку: «Ты не сможешь победить его каждый раз, когда Люк - ты сам сказал, что если в камере достаточно газа для воспламенения…» Остальное она оставила недосказанным, извинения и вину слышны в ее ломаном голосе, еще один вздох вырвался из его непоколебимой руки. «Давай, Мара, нажми на курок». - прошипел он, - я не ожидал меньшего - не от тебя. Когда она не двинулась с места, оставалась неподвижной, он наклонился еще дальше, враждебное возмущение его предательством ясно: «Я не буду пытаться остановить это.

Возьмите сторону - сделайте выбор; вам казалось, что это довольно легко когда тебе не нужно было смотреть мне в глаза ". Его свободная рука вскинулась вверх, обвив ее запястье, но он не отвел пистолет в сторону, не вытащил его. Я бы не сделал этот выбор за нее. «Нажмите на курок». - подстрекал он шепотом, глаза горели. «Что у тебя есть, чтобы потерять Мару? Ты не

мог больше ранить меня сегодня - ты не мог меня еще ниже». Они оставались застывшими, зеленые глаза смотрели на огненно-синий ... и Мара почувствовала, как ее глаза наполнились слезами, почувствовала, как они горят по ее щекам ...

Ее рука высвободилась, дротик ударил по полированному камню, и на несколько секунд его рука сомкнулась вокруг ее шеи, челюсти напряглись, глаза упали ... Затем он вырвался, не говоря ни слова, оставив ее одну на платформе, ни разу не оглядываясь, пока она медленно скользила по стене за спиной, задыхаясь. . . . Стены Тронного зала были в несколько футов толщиной, и единственным естественным светом в огромном четырехэтажном пространстве, проникавшим через узкие прорези от пола до потолка, почти без окон, по обе стороны от помоста. Теперь, в ярком свете заходящего солнца, они бросали длинные кроваво-красные лезвия по полированному полу по обе стороны от трона, проводя ломаные линии на первой из массивных рифленых колонн, образующих длину длинного зала.

Далеко вверху, почти на уровне сверкающих золотых мозаик в сводчатом потолке, маленькое круглое окно отбрасывало туманную лужу золотисто-красного света на одну сторону трона, уже в темноте. Стоя позади возвышающегося помоста, Палпатин ошеломленно наблюдал за медленным продвижением этого алого диска по помосту по мере того, как зашло солнце, его курс теперь почти пересекался с бледно-полированным мрамором широкого круга, уходящего в пол. Тронный зал, половина от переднего края приподнятого помоста, другая половина установлена на полу тронного зала за ним, вместе описывая идеальный круг. Когда они приблизились, его внимание сменилось с рубинового отражения на сложную мраморную инкрустацию круга с темным тускло-алым цветом по краям.

Когда-то он украшал пол в зале Совета джедаев; его всегда забавляло то, что это было теперь здесь, под его троном, все, кто приближался к нему, стоя на нем на коленях ... . Услышав суматоху в широком зале за пределами Тронного зала, Император не взглянул, а вместо этого отвернулся и посмотрел через узкие щелевые окна на мегаполис. У двери было восемь королевских стражей, и он отдал приказ, чтобы его не беспокоили - единственный способ, которым Скайуокер мог войти, - это пройти через них, и как бы он ни был в ярости, Палпатин сомневался, что он решит убить их. . Или, если бы он это сделал, он бы уже ошибся. Итак, игра началаСь Раздался одиночный выстрел из бластеров, громкий рикошет о укрепленные двери - затем тишина ... .

Массивные двойные двери в тронный зал распахнулись, подпрыгнув на петлях и захлопнувшись с гулким грохотом, от которого тяжелые инкрустированные металлические перегородки вокруг стен задрожали на своих сдвигах. Палпатин оставался неподвижным, стоял позади помоста в пустынном, затененном зале, басовые звуки эхом разносились по огромному пространству, прежде чем комната снова погрузилась в тяжелую безмолвную тишину. Люк шагнул вперед в мрачной тишине, ступив на помост, не кланяясь и не говоря ни слова, его дыхание было уже тяжелым от столкновения с Красной гвардией.

Палпатин не отошел от окна и не повернулся к мальчику, когда тот остановился, не сделав выговора за нарушение протокола, присущее простому выходу на помост; делать это без специального разрешения Императора было строго запрещено, но мальчик это хорошо знал, так что это было сознательное решение с его стороны. "Что ты хочешь?" - в конце концов спросил Палпатин резким и жестким голосом. «Чтобы положить конец этому». «Возвращайся в свои апартаменты». Ситх пренебрежительно скрежетал голосом, не приводя аргументов: «Я займусь этим нарушением доверия завтра». Что-то с грохотом остановилось на помосте рядом с ним, поймав тусклый свет яркой вспышкой. Палпатин слегка повернулся, движение было медленным и изученным ... чтобы посмотреть на световой меч Скайуокера, лежащий на полу у его ног ...

Он снова медленно отвернулся без комментариев. "Подними это". Люк зарычал, подходя ближе. Палпатин наконец посмотрел на своего джедая. Он держал отцовский световой меч, румянец крови увеличивался вокруг разрыва в сером шелке рукава его рубашки, темнея до все более крупного пятна, полированная полоса в центре светового меча, которую он держал, была испачкана алым пятном - мечом Вейдера. лазерный меч. Видение ... видение, мучившее Палпатина, прорвалось через его мысли ... его джедая, держащего световой меч Вейдера, руку и саблю, истекающие кровью, которая просачивалась в подол плаща Палпатина.

Он медленно посмотрел вниз ... когда мальчик бросил свою саблю в ноги Палпатина, глубокая рана на его предплечье оставила длинный след кроваво-красных пятен, которые забрызгали край малинового платья Палпатина, расцветая почти черным в низу. свет. Медленная капля незаметно упала с неосвещенного кончика светового меча Вейдера на пол у ног мальчика. Прошли долгие секунды, в течение которых Палпатин осознал угрозу, с которой столкнулся - насколько на самом деле был разгневан его джедай... и впервые он задался вопросом, сможет ли он контролировать волка, которого создал; посчитал, на что он способен в этом состоянииТем не менее, он не стал бы так легко уступить преимущество; он все еще мог заставить мальчика отступить - он делал это много раз в прошлом. "Я тебя ничему не научил?" - отпустил он, отвернувшись с нарочитой уверенностью. «Никогда не сражайтесь с незнакомым оружием - это явный недостаток».

«Тогда тебе следует воспользоваться возможностью». Скайуокер пригласил. Не оборачиваясь, Палпатин отступил от высшей угрозы хриплым голосом, смертельно тихим. «Если ты сразишься со мной сейчас, я уничтожу тебя. Вы понимаете?» Но его джедай рассмеялся - на самом деле засмеялся - насмешливым тоном, как над словами Палпатина, так и над его собственной жизнью, больше не обращая внимания. «Я ничто, Мастер - сколько раз ты мне это говорил? Я ничто - никчемный, так какое значение имеет моя смерть? Кого это волнует? Я готов умереть сегодня, если смогу взять тебя с собой. Я думаю, что это честный обмен ". "Вы уверены?" Палпатин спокойно возразил, хотя первые волны тревоги тревожили его мысли. «Я очень уверен». Его Волк сказал просто и серьезно.

Но он не выходил за рамки отстраненной логики, которая позволила ему повернуть манипуляции своего Учителя против него - он слишком хорошо усвоил уроки. «Однажды ты сказал мне, что я должен выбрать свои сражения, Мастер - сражайся только с тем, в чем я был полностью привержен к победе. Ну вот и все - тот бой, за победу в котором я бы заплатил любую цену . Я просто никогда не знал, что это было - до настоящего времени." Он издал дикую ухмылку, рука, державшая световой меч его отца, исчезла за его спиной, когда он слегка повернулся, изменив свой вес, чтобы медленно двинуться вперед, переходя в боевую стойку. "А ты, Мастер, хочешь умереть сегодня?"

"Нет." Палпатин сказал, зная, что его джедай незаметно сокращал расстояние между ними на расстояние поражения: «Я уже говорил вам раньше, меня трудно убить». «И я сказал тебе в первый раз, когда мы встретились, что я не мой отец - ты никогда не будешь контролировать меня, как он. Я сказал тебе, что убью тебя, если будет шанс». "И вы думаете, что это он?" Палпатин насмешливо скрежетал: «Вы глубоко ошибаетесь». "Подними это". - невозмутимо возразил Люк. «Посмотри на себя - ты уже ранен». Палпатин вложил всю свою уверенность и контроль в следующие слова; чтобы внушить сомнения, заставьте мальчика отступить: «У вас нет силы противостоять мне - пока нет». Но теперь Люк слишком долго жил в тени Императора - он знал его интеллектуальные игры и силовые игры, знал, как они работают, как противостоять им - и как сделать их своими. Так что он только злобно улыбнулся словам Палпатина, противопоставляя убеждение убеждением.

«Да, я - и ты это знаешь». «Вы не представляете, на что я способен - не делайте ошибки, судя

обо мне по тому, что вы видели». - предупредил Палпатин. «Я не твой отец, я не сдержусь». «Нет, ты не мой отец, поэтому я бы тоже тебя предупредил». - невозмутимо возразил Люк. Палпатин слегка дрогнул от этой инсинуации; мальчик сдерживался, скрывая свои способности? Люк лучше держал световой меч своего отца, его глаза были полны ожидания, решимости и дикости. "Каково это ... Мастер ?" - насмехался он над настороженным молчанием ситхов, опуская голову и набок, пряди непослушных волос падали на старые шрамы, несовпадающие глаза никогда не покидали глаз Палпатина.

«Нервничаешь? Или ты просто ценишь иронию ситуации… потому что ты сделал это - каждый раз, когда ты затягивал петлю на моей шее, ты затягивал ее вокруг своей собственной». Палпатин попытался снова, угроза, которая так долго сдерживала мальчика, вырвалась из насмешливых губ: «Если ты поднимешь этот клинок против меня, жизнь Мары Джейд будет потеряна, ты понимаешь? Второго шанса нет». Но мальчик только медленно покачал головой, забавляясь: «Это все, что у вас осталось, Мастер? Она - плохая козырная карта - я знаю, что это она вам сказала». Намереваясь положить конец этому противостоянию, Палпатин медленно переместил руку за спину, пока Скайуокер говорил, тонко протягивая руку к Силе, призывая Тьму, чувствуя, как она покалывает кончики его пальцев ...

«Не смей …» - прорычал его Волк, опуская голову и напрягаясь, - «Даже не думай, что я позволю тебе». Палпатин взглянул вниз, когда Скайуокер перебросил отцовскую саблю из левой руки в правую, низким голосом, абсолютной угрозой, предупреждение его дикого джедая прозвучало шипящим шепотом; «Позови это сейчас, и я разорву тебя на части…» Император замолчал - на самом деле колебался ниже утверждения этой клятвы, прозвучавшей со злобой сквозь сжатые челюсти. Это заморозило его руку с синим оттенком за спиной, когда его взгляд упал на левую руку Скайуокера, скрытую из виду, когда он повернулся боком, задаваясь вопросом, сможет ли его джедай сделать это - если бы у него были способности, знания, воля вызвать Молнию Силы. Зная, что если бы он это сделал, он не колебался бы - не сейчас, когда весь контроль, который он держал, был потерян.

Было ли это блефом или угроза была реальной? Постепенно Палпатин позволил сияющей бело-голубой короне рассеяться неиспользованной … . Люк кружил, предаваясь страху, с кристально чистым разумом, наблюдая за каждой минутой движения Палпатина, ожидая тонкого сдвига, который выдал бы его намерения. "Ты помнишь Учителя видений?" он сказал, когда ситхи оставались неподвижными: «Волк, охотящийся глубокой ночью, черный на черном. Мы оба видели это в кошмарах и видениях…

Вот почему вы дали мне имя, не так ли?» "Что из этого?" Отрицание было бессмысленным; они оба знали правду. «Все эти годы, с самого детства, мне снился этот сон … черный волк ... всегда рядом - иногда так близко, что он был в моей тени. И каждый раз я слышал его дыхание; когда я слышал царапанье его когтей о камень, когда он двинулся вперед… Я повернулся и побежал ". Он снова склонил голову, глаза были едва видны, когда пряди волос упали вперед, холодная улыбка изогнула глубокий шрам на его губах. «Я был неправ. Все это время, все эти годы… Я всегда убегал от волка».

«Вы никогда не мог бежать от Вольфа это было в вас, часть вас. Вы есть волк.» «Нет, я не волк. Но ты прав - это часть меня. Потому что я сомневался - я сомневался в своих способностях, своих суждениях, моих мотивах, моих намерениях ... и как бы быстро ты ни бежал, эти сомнения всегда остаются с тобой - просто в твоей тени. Думаю, пора повернуться лицом к волку ». "Ты не прав." Палпатин скрежетал, вселяя в свои слова годы укоренившейся уверенности и контроля, желая, чтобы мальчик умер. «Волк Тьма и судьба. Ты есть волк.» «Возможно, я твой волк, Мастер. Но ведь ты всегда это знал, не так ли?» Он стоял неподвижно, с диким и угрожающим выражением лица, с холодным весельем. «Возможно, мы оба

повернемся к нашим волкам сегодня вечером».

Глаза Палпатина сузились, зная теперь, что этой битвы избежать невозможно, что мальчик не отступит, адреналин и сожаление переплелись от осознания того, что ему придется разрушить то, в создание чего он так много вложил. Произведение искусства, славное, порочное и смертоносное, доведенное до совершенства… хотя и слишком изменчивое; слишком напористый, слишком враждебный, чтобы оставить его в живых. Следующее поколение будет легче контролировать, оно будет более податливым, владеть и воспитывать с самого рождения. Но это уже никогда не будет прежним. Не как эта дикая вещь, этот дикий поворот утраченной надежды, горькой боли и грубой силы.

Такого никогда не будет. Он никогда по-настоящему не владел им - не так, как он хотел бы - это разрушило бы его. Но какие славные разрушения, огненный след и желание сжечь все другие мысли в пепел. Возможно, ему все равно следовало поступить так, просто чтобы познать восторг обладания, потому что теперь оно потеряно для него навсегда. Его взгляд на мгновение метнулся к световому мечу у его ног, и Скайуокер не пропустил действие. «Поднимите его - или помогите мне, я разорву вас на куски без оружия». "Нет, ты не будешь". Палпатин сказал: «Потому что ты слаб. Ты всегда им был. Я так и не смог выжать из тебя последний кусочек сострадания. Ты всегда будешь разочаровывать меня, как и твой отец».

С диким воплем, отчасти яростью, отчасти горем, Люк бросился вперед, и Палпатин выронил свой собственный световой меч из рукава, воспламенив клинок Силой, когда он упал, взмахнув им, чтобы нанести быстрый удар в лицо джедаю. Это был идеальный удар, нанесенный безупречно, и он должен был снять голову Скайуокера с его плеч ... Люк увернулся от неожиданного клинка в последнюю секунду, повернувшись в сторону, когда он подкосил колени, зажег отцовскую саблю, когда он упал на одну руку, его клинок вылетел, когда он это сделал, чтобы заставить Палпатина отступить. Он превратил движение в быстрое сальто одной рукой и быстро вскочил, повернувшись, протянув руку к тяжелому каменному постаменту, который Палпатин бросил в него с основания помоста, его противодействующая Сила разбила его на мелкие обломки, которые взорвались. вокруг них, покалывая голую плоть, когда Люк сделал полный круг, подняв саблю, чтобы противостоять входящему удару. .

http://tl.rulate.ru/book/24624/1287598